PG3476
.A92
L48
1926

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008164657

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.A92
L48
1926

БИБЛИОТЕКА САТИРЫ И ЮМОРА

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

PG3476
.A92
L48
1926

ЛЮДИ, БЛИЗКИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. ЗОРИЧА

LIUDI, BLIZKIE
K NASELENIIU

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Гостипография
в аренде
М. ВОЛКОВИЧА
Ленинград, ул. 3 Июля, 60
Колич. 15.000 экз. 2 л.
Главлит № 63129

1926

Некогда о книге Аверченко „Дюжина ножей в спину революции“ В. И. Ленин написал, что отдельные рассказы из нее нам надо переиздать. Это было сказано относительно рассказов, „идеология“ которых была вне всяких сомнений: здесь говорилось о том, как переживает, как чувствует и понимает революцию, какою слепой и безудержной ненавистью ненавидит ее старая, умирающая дворянско-купеческая Русь. Сделано это было талантливо:

— Таланты следует поощрять.

Мы с интересом читаем книгу Шульгина о „двадцатом годе“. Взгляды Шульгина нам чужды, его теории ничего не вызывают, кроме смеха, практика описанного им „спасательного действа“ и сейчас еще будит злобу и ненависть в душе, — но книга талантлива, но Шульгин открывает перед нами страницы, он разворачивает перед нами эпизоды, которые нужно знать и нам, и новым поколениям, и о которых только он, пожалуй, мог рассказать с той исключительной силой, с той убийственной простотой и подробностями, как это сделано в „Двадцатом годе“.

Талант писателя, чтобы он не остался бесплодным, должен сочетаться с безусловным знанием вещей, о которых писатель говорит. Книга Шульгина ценна и интересна не только потому, что Шульгин талантлив, но еще и потому, что Шульгин пережил эпопею „грабармии“ в ее же рядах, он много видел, чувствовал и думал в те дни, — и он есть тонкий знаток психологии, и быта, и нравов, и внутреннего существа класса, крушение которого он описал. Книга его, книга публициста, есть документ эпохи, есть политический и общественный ее документ.

Книги Аверченко, книги беллетриста, есть бытовые документы эпохи.

„Двенадцать ножей в спину революции“ — это о буржуазии, о мещанстве, об обывателе, шипевших

насчет немецких денег и запломбированных вагонов, еще боровшихся, еще ждавших чего-то, еще надеющихся, что революция „счастливо кончится в одну из ближайших суббот". Злобная книга написана хорошо: ибо Аверченко тонко знал то, о чем писал, и это ему было близко, ибо он сам злобствовал, ненавидел, и полон был того скрытого бешенства, которым пропитаны „Двенадцать ножей".

„Осколки разбитого вдребезги" — это об эмиграции. Огни догорели, цветы осыпались, поблекли и умерли надежды. „Все в прошлом": лихач на Невском, шампанское у Донона, мундир и железка в клубе, цыгане за заставой — роскошь, довольство, бездельная, праздная, сытая и веселая жизнь. Грустная книга написана хорошо: ибо и здесь Аверченко, бесславно кончивший в рядах эмиграции свои дни, знал то, о чем он пишет. И если не понимал, то чувствовал, как чувствует вся эмиграция, неизбежность и близость наступающего „окончательного конца". Книжка была интересна, как-никак — страницы доподлинной жизни! И полезно прочитать их: а если Аверченко шипит, так ведь он шипит, а никому не страшно!

Рассказы Аверченко, которые выходят сейчас („Господин Цацкин", „Коса на камень", „Люди, близкие к населению"), есть рассказы о мещанине, о дураке и обывателе, о маленькой и подленькой человеческой душонке, о болоте мелкого прошлого чиновного бытия, и о мудрости полицейского правления „людей, близких к населению". Еще раз: это написано талантливо. Аверченко несправедливо считают мастером литературы для вагонного чтения: не классик, конечно, он рассыпает зачастую незаурядные блестки юмора, возвышающегося до степени сатиры, и достигает нередко в этой несколько ограниченной, но крепко охваченной области искусства, каким могут похвастать очень немногие из русских бытописателей предреволюционных и последних лет.

Над этими его рассказами можно не только смеяться, но и узнать еще и увидеть обнаженными те уголки мелкого житьишка, какие здесь талантливо показаны.

А. Зорич.

ЛЮДИ, БЛИЗКИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Его превосходительство откинулось на спинку удобного кресла и сказало разнеженным голосом:

— Ах, вы знаете, какая прелесть это искусство!.. Вот я на-днях был в Эрмитаже [1], такие есть там картинки, что пальчики оближешь: Рубенсы разные, Тенирсы, голландцы и прочее в этом роде.

Секретарь подумал и сказал:

— Да, живопись — приятное времяпрепровождение.

— Что живопись? А музыка! Слушаешь какую-нибудь ораторию, и кажется тебе, что в небесах плаваешь... Возьмите Гуно, например, Берлиоза, Верди [2], да мало ли...

— Гуно — хороший композитор, — подтвердил секретарь.— Вообще, музыка — увлекательное занятие.

— А поэзия! Стихи возьмите. Что может быть возвышеннее?

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты
И-я понял в одно мгновенье...

Ну, дальше я не помню. Но, в общем, хорошо!

— Да-с. Стихи чрезвычайно приятны и освежительны для ума.

— А науки!..—совсем разнежась, прошептало его превосходительство. — Климатология, техника, гидрография... Я прямо

---

[1] Эрмитаж — музей в Ленинграде.

[2] Гуно, Берлиоз, Верди — известные композиторы. (Прим. ред.).

удивляюсь, отчего у нас так мало открытий в области науки, а также почти ничего не слышно о художниках, музыкантах и поэтах?

— Они есть, ваше превосходительство, но гибнут в безвестности.

— Надо их открывать и... как это говорится, вытаскивать за уши на свет божий.

— Некому поручить, ваше превосходительство!

— Как некому? Надо поручить тем, кто стоит ближе всех к населению. Кто у нас стоит ближе всех к населению?

— Полиция, ваше превосходительство!

— И прекрасно! Это как-раз по нашему департаменту. Пусть ищут, пусть шарят! Мы поставим искусство так высоко, что у него голова закружится.

— О-о, какая чудесная мысль! Ваше превосходительство, вы будете вторым Фуке [1]!

— Почему вторым? Я могу быть и первым!

— Первый уже был. При Людовике XIV. При нем и благодаря ему расцветали Лафонтен, Мольер и др.

— А-а, приятно, приятно! Так вы распорядитесь циркулярчиком.

* * *

Губернатор пожевал губами, впал в глубокую задумчивость и затем еще раз перечитал полученную бумагу:

„2-го февраля 1916 г.
Второе делопроизводство
департамента.

Принимая во внимание близость полиции к населению, особенно в сельских местностях, позволяющую ей точно знать все, там происходящее и заслуживающее быть отмеченным,

[1] Фуке — министр финансов при французском короле Людовике XIV, был меценатом и покровительствовал известным писателям — Лафонтену, Мольеру и другим. (Прим. ред.).

прошу. Ваше превосходительство поручить чинам подведомственной вам полиции в случае каких-либо открытий и изобретений, проявленного тем или иным лицом творчества, или сделанных кем-либо ценных наблюдений, будет ли то в области сельского хозяйства или технологии, поэзии, живописи, или музыки, техники в широком смысле, или климатологии, — немедленно доводить о том до вашего сведения, и затем по проверке представленных вам сведений, особенно заслуживающих действительного внимания, сообщать безотлагательно в Министерство Внутренних дел по департаменту полиции".

Очнулся.

— Позвать Илью Ильича! Здравствуйте, Илья Ильич! Я тут получил одно предписаньице: узнавать, кто из населения занимается живописью, музыкой, поэзией или вообще какой-нибудь климатологией, и по выяснении лиц, занимающихся означенными предметами, сообщать об этом в департамент полиции. Так уж, пожалуйста, дайте ход этому распоряжению!

— Слушаю-с.

* * *

— Илья Ильич, вы вызывали исправника. Он ожидает в приемной.

— Ага, зовите его! Здравствуйте! Вот что, мой дорогой! Тут получилось предписание разыскивать, кто из жителей вашего района занимается поэзией, музыкой, живописью, вообще, художествами, а также климатологией, и, по разыскании и выяснении их звания и прочего, сообщать об этом нам. Понимаете?

— Еще бы не понять? Будьте покойны, не скроются.

* * *

— Становые пристава все в сборе?

— Все, ваше высокородие!

Исправник вышел к приставам и произнес им такую речь:

— До сведения департамента дошло, что некоторые лица подведомственных вам районов занимаются живописью, музыкой, климатологией и прочими художествами. Предлагаю вам, господа, таковых лиц обнаруживать и, по снятии с них показаний, сообщать о результатах в установленном порядке. Прошу это распоряжение передать урядникам для сведения и исполнения.

* * *

Робко переступая затекшими ногами в тяжелых сапогах, слушали урядники четкую речь станового пристава:

— Ребята! До сведения начальства дошло: что тут некоторые из населения занимаются художеством — музыкой, пением и климатологией. Предписываю вам обнаруживать виновных и, по выяснении их художеств, направлять в стан. Предупреждаю: дело очень серьезное, и потому никаких послаблений и смягчений не должно быть. Поняли?

— Поняли, ваше благородие! Они у нас почешутся. Всех переловим.

— Ну, вот то-то. Ступайте!

* * *

— Ты Иван Косолапов?

— Я, господин урядник!

— На гармонии, говорят, играешь?

— Это мы с нашим вдовольствием.

— А-а-а... „С вдовольствием“? Вот же тебе, паршивец!

— Господин урядник, за что же? Нешто уж и на гармонии нельзя?

— Вот ты у меня узнаешь „вдовольствие“! Я вас, мерзавцев, всех обнаружу. Ты у меня заиграешь! А климатологией [1] занимаешься?

— Что вы, господин урядник? Нешто возможно? Мы, слава богу, тоже не без понятия.

[1] Климатология — наука о климате. (Прим. ред.).

— А кто ж у вас тут климатологией занимается?

— Надо быть Игнашка Кривой к этому делу причинен. Не то он конокрад, не то это самое.

— Взять Кривого. А тебя, Косолапов, буду держать до тех пор, пока всех сообщников не покажешь.

* * *

— Ты — Кривой?

— Так точно.

— Климатологией занимался?

— Зачем мне? Слава богу, жена есть, детки...

— Нечего прикидываться! Я вас всех, дьяволов, переловлю! Песни пел?

— Так нешто я один. На лугу-то запрошлое воскресенье все пели: Петрушка Кондыба, Фома Хряк, Хромой Елизар, дядя Митяй да дядя Петряй...

— Стой, не тарахти! Дай записать... Эка, сколько народу набирается. Куда его и сажать? Ума не приложу.

* * *

Через две недели во второе делопроизводство департамента полиции стали поступать из провинции донесения:

„Согласно циркуляра от 2 февраля, лица, виновные в пении, живописи и климатологии, обнаружены, затем, после некоторого запирательства, изобличены и в настоящее время состоят под стражей впредь до вашего распоряжения".

* * *

Второй Фуке мирно спал, и грезилось ему, что второй Лафонтен читал ему свои басни, а второй Мольер разыгрывал перед ним „Проделки Скапена".

А Лафонтены и Мольеры, сидя по „холодным" и „кордегардиям" необъятной матери-России, закаивались так прочно как только может закаяться простой русский человек.

ПРЕСТУПНИКИ

Спавшего пристава 2-го стана Бухвостова разбудили и сообщили, что мужики привезли на его усмотрение двух пойманных ими людей: Савелия Шестихатку и неизвестного, скрывшего свое имя и звание.

В препроводительной бумаге из волости сообщалось, что присланные люди нарушили „уголовные узаконения на предмет наказаний на гражданские несоответствия".

Ниже писарь простым человеческим языком сообщал, что оба пойманные вели себя ниже всякой критики: Шестихатка ворвался к арендатору еврею Зальману, перебил и переломал все его вещи, ранил ручкой от сковороды жену арендатора, а арендаторову сыну оторвал ухо; доставленный в волость, избил волостного старшину, выбил десятскому два зуба, а ему, писарю, пытался повредить передние конечности.

Оторванное ухо и два выбитые зуба препровождались здесь же при бумаге, завернутые в заскорузлую, пропитанную кровью тряпку.

Второй, неизвестный человек, был уличен в том, что, пойманный на огородах, не мог назвать своего имени, а при обыске у него нашли пачку прокламаций, бомбу и рыжую фальшивую бороду.

Пристав Бухвостов прочел препроводительную бумагу, засвистал и, почесав небритую щеку, проворчал:

— Прохвост народ!

И по его лицу нельзя было узнать, о ком он это думал: о мужиках, нарушивших его сон, Шестихатке, оторвавшем ухо арендаторову сыну, или о неизвестном, занимавшемся темным, таинственным и ужасным делом.

Пристав открыл дверь из канцелярии в переднюю и крикнул десятскому:

— Пускай по очереди!

В комнату вошел высокий черный мужик в коротеньком армячке, с узенькими калмыцкими глазками и волосами, веером топорчащими на его шишковатой, костистой голове. Он

остановился у стола и угрюмо потупил взор на носок левого разорванного сапога.

Пристав Бухвостов быстро подошел к нему, энергическим движением руки взбросил кверху его опущенную голову и, прищурясь, сказал:

— Хорош!.. Эх, ты, Шестихатка! Тебе не шестихаткой быть, а...

Пристав хотел сказать что-то очень забавное, что заключало бы в себе юмористическое переиначивание фамилии Шестихатки и вместе с тем звучало бы насмешкой над его поведением, но вместо этого пристав неожиданно окончил:

— ... а сволочью!

Потом пристав Бухвостов перешел на серьезный, деловой тон.

— На тебя вот доносят, что ты устроил арендатору погром оторвал его сыну ухо, избил старшину и выбил десятскому зубы. Правда это?

Черный мужик посмотрел исподлобья на пристава и прогудел:

— Правда.

— Извольте видеть! — всплеснул руками пристав. — Он же еще и признается! Что тебе сделал арендатор?

Мужик еще раз внимательно поглядел на пристава и сказал:

— Я жидов завсегда бью.

— За что же ты их бьешь?

— Они Христа мучили, а также не уважают начальство. Я за неуважение больше.

— Гм... гм... — замялся пристав, — но драться ты все-таки не имеешь права.

— Да как же? — развел руками мужик. — Я им говорю: дайте срок, господин губернатор всех вас перевешает, а он мне, арендатор, говорит: „Что мне твой губернатор? Я его за три рубля куплю!"

— Неужели так и сказал?

— Форменно. Обожди, говорю, будет известно господину приставу о твоих словах, а он, паскуда, смеяться: „Ежели, говорит, губернатор у вас три целковых стоит, так пристава за полтинник приобрести можно".

— А-а, говорю... так?

Пристав неожиданно захохотал.

— Так ты... значит... сыну... ухо?

— Начисто. Форменно, потому я так рассуждаю: ежели ты оскорбил мое начальство, господина пристава, имею я право твоему щенку ухи пообборвать? Имею! Форменно!

— Ха-ха! Ах ты... чудак! Этакая непосредственная душа. Но ты, однако, вот пишут, целый кавардак там устроил. Зачем арендаторшу сковородой вздул?

— Она, ваше благородие, насчет супруги вашей неправильно выразилась. Насчет добродетелей.

— А-а... —криво улыбнулся пристав. — Хорошо-с! Мы об этом расспросим арендаторшу. Вот нехорошо только, братец, что ты старшину оскорбил и зубы вынул десятскому. Зачем?

— Они тоже. Я говорю: не смейте меня брать! Я за господина пристава старался! а они мне: „А что твой пристав за такая цаца?" Так и сказали — „цаца". Потемнело у меня. Об начальстве так! Ну, развернулся...

— Ха-ха, ха-ха! Ты, я вижу, неглупый парень... с правилами. А дело твое придется прекратить. Прекурьезное оно уж очень... Ступай, Шестихатка! Постой! Водку, небось, пьешь, Шестихатка?

Пристав Бухвостов порылся в кармане и вынул полтинник.

— На... выпьешь там где-нибудь.

— Форменно! Я бы, ваше благородие, насчет сапожков взыскать к вашей милости! Нет ли каких? Пообдержался я с сапогами.

— Ладно уж, веселый ты парень... Я тебе свои дам, поношенные. Два месяца всего и носил. Так сковородкой ты ее?

— А мне что? Трахнул, да и все. С ними так и нужно!

Пристав вышел из канцелярии в спальню и через минуту вынес сапоги.

— Вот, — сказал он. — Бери. Ступай, брат! Иди себе.

— Ваше благородие! Может пальтишко какое?

— Ну, ну... иди уж. Довольно тебе. Не проедайся. Эй, Парфен! Выпусти его — пусть идет себе... Да тащи сюда другого. Прощай, Шестихатка. Так цаца, говорят? Ха-ха, ха-ха!

— Прощайте, ваше благородие! Оно дальше еще смешней будет. Желаю оставаться.

Десятский ввел другого человека, привезенного мужиками, и, толкнув его для порядка в спину, вышел.

— А-а, сокол ясный! Летал, летал, да и завязил коготь. Давно вашего брата не приходилось видеть... Как Эрфуртская программа поживает?

Перед приставом стоял небольшой коренастый человек с бычачьей шеей, в жокейской изодранной шапченке и, опустив тяжелые серые веки, молча слушал.

— Конечно, об вашем социальном положении нечего и спрашивать: лиддит, мелинит, нитроглицерин и тому подобный бикфордов шнур.

Потом, переменив тон, пристав посмотрел в лицо неизвестному и сухо спросил:

— Сообщники есть?

— Не было, — тихо ответил неизвестный.

— Ну, конечно! Я так и думал. Что ж, господин ниспровергатель! Зверь вы, очевидно, красный: в город нам с вами ехать придется. Ась?

— Да, я из городу и есть.

— Вот как!.. Какой же это ветер занес вас на сенюхинские огороды?

— Зачем мне на сенюхинские огороды? Я на Боркино ехал, ваше благородие.

— Ну, да. Так что старшина, и писарь, и мужики оклеветали вас, бедненький?

— Чорт попутал, ежели так сказать.

— Не-у-жели? Что вы говорите? Первый раз слышу об участии этого господина в ваших организациях... Небось, и на убийства шли не сами по себе, а наущаемые сим конспиратором?

— Да убийства никакого и не было. Так, хотелось... попугать...

— Конечно! Бросишь ее под ноги — легкий испуг и нервное потрясение... Ха ха! Ваша платформа, конечно, предусматривает любовь и великодушие к ближнему. А? Что же вы молчите?

Неизвестный переступил с ноги на ногу и сказал:

— Пьян был.

— Что-о-о?

— Пьян был. А они... за сено... тридцать копеек. Разве это возможно?

— Какое сено? Что вы?

— Ихнее. Я им говорю: Христа на вас нету, а они, — „Там, говорят, есть или нет, а мы без расчету Ваську не отпустим!"

— Ничего не постигаю. Какой Васька?

— Чугреевский. Я на Чугреевском ехал. И так мне обидно стало. Ах, вы, говорю, такие-сякие! Пыли вашей не останется!..

— Стой, стой, милый. Я ничего не разберу. Кому ты это сказал?

— Арендателю.

— Да бомба-то здесь при чем?

— Бомба не при чем.

— Так чего же ты, чорт тебя возьми, арендатора путаешь? Бомбу ты где взял?

— Не брал я ее, ваше благородие. Зачем нам... нам чужого не нужно...

Пристав побагровел.

— Да ты кто такой?

— Опять же чугреевский. Они: „Тридцать копеек, говорят, дозвольте!" Ка-а-к? Где такой закон, чтобы за гнилое сено... Ну, и пошло.

— Что пошло?

— С пьяного человека что взять, ваше благородие? Известно, ничего.

— Ты, брат, что-то хвостом виляешь. Бестолковым прикидываешься. Мужичком-дурачком.

— Дурачек и есть. Нешто вумный будет жидятам ухи рвать? С пьяну. Зуд у меня ручной. Как очухаешься, видишь — да-а-а... завинтил.

Пристав Бухвостов прыгнул к неизвестному и вцепился ему в горло.

— Ты, ты... Как тебя, зовут?

— Меня-то? А Савелием. У Чугреевых в амбарных. Савелий Шестихатка по хфамилии.

Пристав Бухвостов оттолкнул от себя Савелия и с ревом вылетел в переднюю.

— Ушел! Упустили мерзавца!

Оставшись один, Савелий поднял недоуменно брови и сказал, обращаясь к портрету в золотой раме:

— Вот, поди ж!.. Не выпьешь — ничего, а выпьешь — сейчас в восторг приходишь. Тому ухо с корнем выдрал, этому зубы... Ежели с таким характером, то ухов, брат Шестихатка, для тебя жиденята не напасутся! Жирно!

ОПОРА ПОРЯДКА

I

Вольнонаемный шпик [1] Терентий Макаронов с раннего утра начал готовиться к выходу из дому. Он напялил на голову рыжий, плохо, по-домашнему сработанный парик, нарумянил щеки, и потом долго возился с наклеиванием окладистой бороды.

— Вот, — сказал он, тонко ухмыльнувшись сам себе в кривое зеркало. — Так будет восхитительно. Родная мать не узнает. Любопытная штука наша работа! Приходится тратить столько хитростей, сообразительности и увертливости, что на десять Холмсов хватит. Теперь будем рассуждать так: я иду к адвокату Маныкину, которого уже достаточно изучил и выследил. Иду предложить себя на место его письмоводителя. (Ему такой, я слышал, нужен!). А если я вотрусь к нему, — остальное сделано. Итак, письмоводитель. Спрашивается: как одеваются письмоводители? Мы, конечно, не Шерлоки Холмсы, а кое-что соображаем: мягкая цветная сорочка, потертый пиджак и брюки, хотя и крепкие, но с бахромой. Вот так! Теперь всякий за версту скажет: письмоводитель!

---

[1] Шпик — агент царской охранки. (Прим. ред.).

Макаронов натянул пальто с барашковым воротником и, выйдя из дому крадучись, зашагал по направлению к квартире адвоката Маныкина.

— Так-то, — бормотал он сам себе под нос. — Без индейской хитрости с этими людьми ничего не сделаешь. Умный, шельма... Да Терентий Макаронов поумней вас будет. Хе-хе!

У подъезда Маныкина он смело нажал кнопку звонка. Горничная впустила его в переднюю и спросила:

— Как о вас сказать?

— Скажите: Петр Сидоров, ищет место письмоводителя.

— Подождите тут, в передней.

Горничная ушла и через несколько секунд из кабинета донесся ее голос:

— Там к вам шпик пришел, что под воротами допреж все торчал. Я, говорит, Петр Сидоров, и хочу наниматься в письмоводители. Бородищу наклеил, подмазался — прямо умора!

— Сейчас я к нему выйду, — сказал Маныкин. — Ты его где оставила, в передней?

— В передней.

— После посмотришь под диваном или за вешалкой — не сунул ли чего. Если найдешь — выброси!

— Как давеча?

— Ну, да! Учить тебя, что ли? Как обыкновенно!

Адвокат вышел из кабинета и, осмотрев понурившегося Макаронова, спросил:

— Ко мне?

— Так точно.

— А, знаешь, братец, тебе борода не идет. Такое чучело получилось...

— Да разве вы меня знаете? — с наружным удивлением спросил Макаронов.

— Тебя-то? Да мои дети по тебе, брат, в гимназию ходят. Как утро, они глядят в окно: „Вон, говорят, папин шпик пришел. Девять часов, значит. Пора в гимназию собираться".

— Что вы, господин! — всплеснул руками Макаронов. — Какой же я шпик? Это даже очень обидно. Я вовсе письмоводитель — Петр Сидоров.

— Елизавета! — крикнул адвокат. — Дай мне пальто! Ну, что у вас в охранке? Все по-старому?

— Мне бы местечко письмоводителя, — сказал Макаронов, хитрыми глазами поглядывая на адвоката, — по письменной части.

Адвокат засмеялся.

— А простой вы, хороший народ, в сущности! Славные людишки. Ты что же сейчас: за мной, конечно?

— Местечко бы, — упрямо сказал Макаронов.

— Елизавета, выпусти нас!

Вышли вместе.

— Ну, я в эту сторону! — сказал адвокат. — А ты куда?

— Мне сюда. В обратную сторону.

Макаронов подождал немного и потом, опустив голову, опечаленный, поплелся за Маныкиным. Он потихоньку, как тень, крался за адвокатом, и единственное, что тешило его, это, что адвокат его не замечает.

Адвокат остановился и спросил, обернувшись вполуоборот к Макаронову:

— Как ты думаешь, этим переулком пройти на Московскую ближе?

— Ах, как это странно, что мы встретились! — с искусно разыгранным изумлением воскликнул Макаронов. — Я было, решил итти в ту сторону, а потом вспомнил, что мне сюда нужно. К тетке зайти.

„Ловко это я про тетку ввернул", — подумал, усмехнувшись внутренно, Макаронов.

— Ладно уж. Пойдем рядом. А то, смотри, еще потеряешь меня...

— Нет ли у вас места письмоводителя? — спросил Макаронов.

— Ну, и надоел же ты мне, ваше благородие! — нервно вскричал адвокат. — Впрочем, знаешь что? Я как будто устал. Поеду-ка я на извозчике.

— Поезжайте! — пожал плечами Макаронов. („Ага, следы хочет замести. Понимаем-с!") А я тут к одному приятелю заверну.

Манькин нанял извозчика, сел в пролетку и, оглянувшись, увидел, что Макаронов нанимает другого извозчика.

— Ей! — закричал он, высовываясь. — Как вас?.. Письмоводитель. Пойди-ка сюда! Хочешь, братец, мы экономию сделаем?

— Я вас не понимаю, — солидно возразил Макаронов.

— Чем нам на двух извозчиков тратиться, поедем на одном. Все равно ты, ведь, от меня не отвяжешься! Расходы пополам. Идет?

Макаронов некоторое время колебался, потом пожал плечами и уселся рядом, решив про себя: „Так даже, пожалуй, лучше! Можно что-нибудь от него выведать".

— Ужасно тяжело, знаете, быть без места, — сказал он с напускным равнодушием, садясь в пролетку. — Чуть не голодал я. Вдруг вижу ваше объявление в газетах насчет письмоводителя: дай, думаю, зайду.

Адвокат вынул папиросу.

— Есть спичка?

— Пожалуйста! Вы что же, адвокатурой только занимаетесь, или еще чем?

— Бомбы делаю еще, — подмигнул ему адвокат.

Сердце Макаронова радостно забилось.

— Для чего? — спросил он, притворно зевая.

— Мало ли ... Знакомым раздаю. Послушайте!.. У вас борода слева отклеилась. Поправьте. Да не так!.. Ну вот, еще хуже сделали! Давайте, я вам ее поправлю! Ну, теперь хорошо. Давно в охранном служите?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — обиженно сказал Макаронов. — Жил я все время у дяди, — дядя у меня мельник, а теперь место приехал искать. Может, дадите бумаги какие-нибудь переписывать, или еще что?

— Отвяжись, братец, надоел!

Макаронов помолчал.

— А из чего бомбы делаете?

— Из манной крупы.

— „Хитрит, — подумал Макаронов, — скрывает. Проговорился, а теперь сам и жалеет".

— Нет, серьезно, из чего?

— Заходи, рецептик дам.

II

Подъехали к большому дому.

— Мне сюда. Зайдешь со мной?

Понурившись, мрачно зашагал за адвокатом Макаронов.

Зашли к портному.

Манькин стал примерять новый жакет, а Макаронов сел около брошенного на прилавок адвокатом старого пиджака и сделал незаметную попытку вынуть из адвокатова кармана лежавшие там письма и бумаги.

— Брось, — сказал ему адвокат, глядя в зеркало. — Ничего интересного. Как находишь, хорошо сидит жакет?

— Ничего, — сказал шпик, пряча руки в карманы брюк.— Тут только как-будто морщит.

— Да, в самом деле морщит. А жакет как?

— В груди широковат, — внимательно оглядывая адвоката, сказал Макаронов.

— Спасибо, братец! Ну, значит, вы тут что-нибудь переделаете, а мы поедем.

После портного адвокат и Макаронов поехали на Михайловскую улицу.

— Налево, к подъезду! — крикнул адвокат. — Ну, милый мой, сюда тебе не совсем удобно за мной итти. Семейный дом. Ты уж подожди на извозчике.

— Вы скоро?

— А тебе-то что? Ведь ты все равно около меня до вечера.

Адвокат скрылся в подъезде. Через пять минут в окне третьего этажа открылась форточка и показалась адвокатская голова.

— Эй, ты!.. Письмоводитель! Как тебя? Поднимись сюда, в номер 10, на минутку!

„Клюет", — подумал радостно Макаронов и, соскочив с извозчика, вбежал наверх.

В переднюю высыпала встречать его целая компания: двое мужчин, три дамы и гимназист.

Адвокат тоже вышел и сказал:

— Ты, братец, извини, что я тебя побеспокоил! Дамы, видишь ли, никогда не встречали живых шпиков. Просили показать. Вот он, медам! Хорош?

— А борода у него, что это, привязанная?

— Да, наклеенная. И парик тоже. Поправь, братец, парик! Он на тебя широковат.

— Что, страшно быть шпиком? — спросила одна дама участливо.

— Нет ли места какого? — спросил, делая простодушное лицо, Макаронов. — Который месяц я без места!

— Насмотрелись, господа? — спросил адвокат. — Ну, можешь итти, братец! Спасибо! Подожди меня на извозчике. Постой, постой! Ты тут какие-то бумажки обронил. Забери их, забери!.. А теперь иди!

Когда адвокат вышел на улицу, Макаронова не было.

— А где этот фрукт, что со мной ездит? — спросил он извозчика.

— А тут за каким-то бородастым побег.

— Этого еще недоставало. Не ждать же мне его тут, на морозе.

Из-за угла показалась растрепанная фигура Макаронова.

— Ты где же это шатаешься, братец? — строго прикрикнул Маныкин. — Раз тебе поручили за мной следить, ты не должен за другими бегать. Жди тебя тут! Поправь бороду! Другая сторона отклеилась. Эх, ты!.. На что ты годишься, если даже бороды наклеить не умеешь. Отдери ее лучше, да спрячь, чтобы не потерялась. Вот так! Пригодится. Засунь ее дальше, из кармана торчит. Чорт знает что! Извозчик, в ресторан „Слон"!

Подъехали к ресторану.

— Ну, ты, сокровище, — спросил адвокат, — ты, вероятно, тоже проголодался? Пойдем, что ли?

— У меня денег маловато, — сказал сконфуженный шпик.

— Ничего, пустое. Я угощу. После сочтемся. Ведь не последний же день мы вместе? А?

„Пойду-ка я с ним! — подумал Макаронов. — Подпою его, да и выведаю, что мне нужно. Пьяный всегда проболтается".

* * *

Было девять часов вечера. К дому, в котором помещалось охранное отделение, подъехали на извозчике двое: один мирно спал, свесив на бок голову, другой заботливо поддерживал его за талию.

Тот, который поддерживал дремавшего, соскочил с пролетки, подошел к дверям, позвонил и вызвал служителя.

— Вот, — сказал он ворчливо. — Привез вам сокровище. Получайте!.. Ваш.

— Будто наш.

— Ну то-то! Тащите его, мне нужно дальше ехать. И как это он успел так быстро и основательно нарезаться?.. Постойте, осторожней, осторожней! Вы ему голову расквасите. Берите подмышки. Постойте!.. У него из кармана что-то выпало. Записки какие-то литографированные. Гм... Возьмите. Ах, чуть не забыл!.. У меня его борода в кармане. Забирайте и бороду. Ну, прощайте! Когда проспится, скажите, что я завтра пораньше из дома выйду, чтоб не опоздал. Извозчик, трогай!

РУССКИЕ СИМВОЛЫ

В передней прозвонил звонок.

Так как горничную я отпустил, пришлось выйти самому.

Время было позднее. Поэтому я, не открывая дверей, спросил как можно громче:

— Кто там?

Какой-то странный, неестественный фальцет пропищал за дверью:

— К вам барышня пришла... Очень хорошенькая. Пожалуйста, откройте!

— Кой чорт, какая барышня?

— Очень хорошенькая. Откройте! Будете иметь полное удовольствие.

— Это вы барышня и есть?

Дребезжащий фальцет пропищал:

— Я-я-я.

— Что же вам нужно?

— Откройте — узнаете. Ах, такой приятный кавалер, и так капризничает. Хи-хи!

Я приоткрыл дверь и выглянул в переднюю.

На меня смотрела красная, худая рожа разносчика телеграмм.

Кроме него, за дверью никого не было.

— Это вы сейчас говорили со мной? — строго спросил я.

— Так точно. Я.

И устало, с деревянным выражением лица он добавил:

— Примите телеграмму. Распишитесь. Вот тут.

— Это еще что за шутки? — сердито нахмурился я. — Почему вы прямо не сказали, что тут телеграмма?

Он с хитрым видом поглядел на меня.

— Как же! Скажи я вам, что телеграмма, так вы меня и впустили. Дудки! Я уж к некоторым господам по нескольку раз ходил. Только скажешь „телеграмма", сейчас же они из-за дверей: „Пошел, пошел вон! Никаких телеграмм нам не надо".

— Господи, да почему же?

— Эх, барин! Нешто не смекаете? Да „телеграмму-то приносят" когда?

— Ну?

— Когда с обыском жандармы или там полиция приходит. Это уж у них так водится: „тук-тук", — „Кто там?" — „Телеграмма". — Откроют дверь, они и ввалятся. А там уж разбирайся сам, телеграмма или не телеграмма. Так теперь, верите ли, ни в один дом не пускают с телеграммой. „Бог с тобой"! — говорят. — Знаем мы вас, „телеграфистов"!

Стараясь по возможности быть серьезным, я спросил:

— Так вы всех „барышнями" соблазняете?

— Зачем всех? Мы тоже с понятием. Ежели, значит, девице депеша, мы ей мужским голосом что-нибудь этакое скажем. Ежели старуха — оченно помогает болонкой за дверью повизжать. Шибко они, старухи, до собак жалостливы. Глядишь,

и откроют. Старик идет больше на знакомого, который в карты пришел играть. Замужняя ежели, то уж скажешь: „Редикульчик на лестнице нашли, не ваш ли?“ Потому замужние очень редикулы терять обожают. Кого на что взять. Это тоже понятие нужно иметь.

— Вот ты, братец, и дурак, — рассердился я. — Почему тебе пришло в голову, что я только барышне открою? Что ж я, по-твоему, развратник какой, что ли?

Он отпарировал.

— Однако ж открыли.

— Открыл я потому, чудак ты человек, что было уж очень любопытно: что за нелепая образина там пищит?

Почтальон с безпокойством взглянул на меня.

— А разве... не похоже?

— Совсем не похоже. Немазанная телега вместо женского голоса.

— Вот горе-то! — искренно огорчился он.

Мне сделалось жаль беднягу. Я похлопал его по плечу и сказал:

— Ничего, не огорчайся. Я тебе дам такой совет: если жандармы говорят „телеграмма“, то им не верят и не открывают дверей. Так. А если ты придешь с телеграммой и скажешь „обыск“, тебе тоже не поверят и, конечно, откроют дверь. Понял? Если они притворяются, то и ты притворяйся!

Он сразу повеселел.

— А ведь и верно, барин! Ну, спасибо. Хе-хе! Здорово удумано. „С обыском“... Открыли дверь, ан это телеграмма. Хо-хо! Мерси вас. Желаем здравствовать!

* * *

На другой день вечером я опять услышал звонок в передней. Улыбнулся. Вышел в переднюю. Спросил:

— Кто там?

— С обыском.

„Ага, — усмехнулся я, — догадался мой приятель-рассыльный“.

Открыл дверь.

И передняя сразу наполнилась жандармами, дворниками, понятыми.

— Позвольте! — возмутился я. — Что же вы не сказали, что „телеграмма“? Это обман. Обыкновенно говорите „телеграмма“, а теперь чорт знает что такое. Я протестую.

Жандарм подмигнул мне и рассмеялся.

— Уже несколько дней, как мы оставили прием с „телеграммой“. Никто не верит. А на „обыск“ с непривычки многие попадаются. Хе-хе!

ПЬЯНЫЙ

По тротуару Невского проспекта шел тихими шагами господин.

Проходя мимо освещенной витрины парикмахерской, он задорно подмигнул восковой кукле, споткнулся о темную тень от фонаря и потом, с неопределенной улыбкой на лице, остановился посреди тротуара с целью завести часы.

Вынув из кармана дверной ключ, он с трудом продел его в часовое кольцо и, повернув несколько раз, успокоенный побрел дальше.

В голове у него бродила смутная мысль, что хорошо бы сказать гревшимся у костра извозчикам какую-нибудь утешительную речь, или поцеловать морду унылой лошади на углу, или спеть что-нибудь такое, от чего бы все заплакали.

Господин остановился перед чугунным львом у дверей какого-то магазина и ласково погладил холодную спину зверя.

— Зазяб, цуцит! Ну, пойдем со мной, дурачек!.. Ну!..

Видя, что лев не обратил внимания на ласковое приглашение, господин вздохнул, схватился за голову и, пошатываясь, побрел дальше.

Господин медленно приближался к ярко освещенному подъезду кафе и, по мере приближения, благодушная улыбка на лице его тускнела, давая место недоумению и испугу.

Остановившись недалеко от подъезда, он открыл рот и, смотря в завесу ночи остекляневшими от ужаса глазами, стал прислушиваться к гудению большого дугового фонаря.

— Господи, — прошептал он, — что же это такое? Гудит.

К его удивлению, гуляющая публика совсем не обращала внимания на это гудение, проходя мимо с самыми равнодушными лицами.

На душе у господина сделалось тяжело.

Он неожиданно схватил какого-то маленького, худого прохожего за руку и таинственно отвел его в сторону.

— Что вам угодно? — спросил тот изумленно.

— Вы... ничего не слышите?

— Ничего, а что?

— Гудит.

— Что гудит?

— Вы слышите, гу-у-у. Это ужасно!

— Что ж такое. Это обыкновенный дуговой фонарь.

— Но ведь он гудит!

— Это ничего не значит. Послушайте... шли бы вы спать.

Господин заплакал и, цепляясь за руку прохожего, вскричал:

— Неужели вы это дело так оставите?

— Да какое же дело?

— Гудит. Ах, ты, господи! Гудит, а они идут мимо. Звери... дикари...

Господин подошел к пожилой даме и, взявши ее за голову, наклонил к своему уху.

— Гудит. Слышите? — таинственно шепнул он.

Дама закричала.

— Чего ты кричишь? Легкомы... сленная женщина.

— Я позову городового.

— Верно! Может, начальство обратит внимание... Я сам пойду, позову городового.

Оставив легкомысленную даму, господин пошел к городовому и стал делать ему рукой таинственные знаки. Он кивал пальцем, моргал глазами, причмокивал и, выпучив щеки, шептал:

— Господин городовой, господин городовой!

— Что прикажете?

— Обратите ваше внимание.

— На что, господин?

— Гудит.

— Где? Что?

— Пойдем, покажу.

Потащив городового к фонарю, господин со страхом поднял палец вверх и шепнул:

— Гудит.

— Да-с. Фонарь.

— Городовой! Зачем он гудит?

— Да вам-то что, господин? Пусть себе гудит.

— Городовой! Зачем он так?

— Идите спать.

— Не могу я этого так, милый, оставить!

— Что же вы сделаете?

— Поеду к... градоначальнику... к преосвященному... Пусть они обратят внимание. Гудит... Несчастный я человек!

Городовой ушел, а господин стоял, подняв измученное, утомленное лицо к фонарю, и грозил ему пальцем:

— Гудишь? Я тебе погу...жу!

Он задумался, а потом поправился:

— Погуду.

Проходила какая-то девица.

— Пойдем со мной, дуся!

— Милая, не могу я пойти!

— Почему?

— Как же я его так оставлю?

Он долго и подробно стал объяснять девице причины удерживающие его здесь.

— Ну, какое тебе дело, что гудит? Что тебе такое? Фонарей не видал?

— Господи! Никто меня не понимает... Ведь он гудит. Понимаешь, так: гууууу...

— Да тебе обидно, что ли?

— Не могу я так этого оставить... Пойми меня: иду я по улице тихо, никого не трогаю, а он вдруг: гууу... Гудит. Как я могу это оставить... Ведь это столица!

— Ну, и стой здесь, как дурак.

С хитрой улыбочкой господин погрозил ей пальцем, сел на ступеньки подъезда и, расстегнув бобровую шубу, сказал:

— Не могу я этого так оставить. Гудишь? Гуди, чтоб ты лопнул! Я около тебя посижу.

Господин задремал. Тротуары опустели, огни постепенно гасли, и когда запоздалые посетители кафэ, наконец, вышли, выругав рассевшегося на ступенях человека, фонарь неожиданно перестал гудеть. Он странно замигал, блеснул еще раз ярко и погас.

— Ага, — сказал господин, удовлетворенно вздыхая. — А то гудеть. То-то!

Улыбнулся, прищелкнул пальцами и, запахнув шубу, пошёл неверными шагами по тротуару, постепенно удаляясь, пока не слился с серой тьмой дремавшей улицы.

КУПАЛЬЩИК

— Эй, как вас?.. Ммм... молодой человек!.. Нет ли тут по близости морей каких-нибудь?

— Каких морей?

— Ну, там... Черного какого-нибудь... Средиземного. А то так Мраморного, что ли?

— Нет, тут поблизости не будет. Переплюниха река есть, так и то верст за пятнадцать.

— М... молодой чч...век. Море бы мне. А?

— Говорят вам, нет. Да вам зачем?

— Купаться ж. Надо ж!

— Да если нет, так как же?

Человек, желавший выкупаться, покачнулся, схватил сам себя за грудь, удержал от падения и прохрипел страдальчески:

— Надо ж купаться же ж! Освежиться надо же ж!

— Ла-с. Нет морей.

— А Каспийское море далеко?

— Каспийское? Далеко.

— Вы думаете, я пьян?

— Почему же-с?

— Да, пил. Надо же ж пить же ж. Напиваться необходимо же ж.

— Извините, я домой.

— Домой? Лошадь. Как же иначе домой ходить? Впрочем, прав. Надо ходить домой же ж. Посл...лушай! А дома морей никаких нет? Хоть бы Красное... Аральское? А? Ушел. Ну, и чорт с тобой! Ты же лошадь же ж. Я тут сейчас и искупаюсь. Вот еще! Куда бы мне пиджак повесить? Вот гвоздик. Надо ж пиджаки вешать же ж!

— Эй, господин, разве тут можно раздеваться?

— Можно. Здравсссс... прохожий! Не знаете, тут глубоко?

— Где-е-е? Это ведь улица. Тут и воды нету.

— Толкуй! Подержи жилетку.

— Отстаньте.

— О, господи ж! Надо ж жилетки держать же ж. Купаться надо же ж.

— Это что еще? Вы чего тут? Как так на улице раздеваться? Пшел!

— Мама-аша! Сколько лет!

— От-то ж дурень. Какая я мамаша? Я городовой.

— Вот чорт! А я смотрю — обращение самое материнское... Городовой, где моя мать?

— Стыдно, господин! Тут и купальни нет, а вы раздеваетесь.

— Нет купальни?.. А ты построй. Я тут сяду, пока брюки подожду снимать, а ты надо мной и возз-веди п-построечку. О, господи, строиться надо же ж?

— А зачем купальню, когда воды нет? Хи-хи!

— Милл-ай... Мне ж много не надо же ж. Построй купаленку, плесни ведерце — мне и ладно. Надо ж купаться же ж.

— Же ж, же ж! Вот тебе покажут в участке „же ж". Одевайся!

— Позвольте, городовой! Они выпимши и не в себе, а вы сейчас — участок. Знаем мы ваши участки! Позвольте, я сам его урезоню.

— Здравствуйте, господин!

— А-а! Мамаша! Глубочайшее...

— Купаться хотите?

— Купаться надо же ж. Работать надо ж.

— Дело хорошее. Водички вам немного потребуется?

— Пустяки же ж. Как пожива-аете?

— Слава богу, хорошо. Вам ведь купаться не обязательно? Только освежиться?

— Освежиться надо же ж.

— Ну, вот, у меня в пузырьке вода и есть. Ведь вам не обязательно обливаться? Ежели ее немного, можно и понюхать.

— Господи, надо нюхать же ж.

— Ну, вот и хорошо, умница! Нюхайте!

— Ффф... ррр... пффф... Однако!

— Это вы что ему за водичку дали?

— Ничего-с. Нашатырный спирт.

— Здорово! Слеза-то как бьет. Хи-хи!

— Еще может нырнете, а? Вот бутылочка. Держи ему голову.

— Фф... ррр... пфф... Однако!

— Ну, как?

— Где мой пиджак? Дом купца Отмахалова. Направо?

— Направо.

— Городовой! Дай мой пиджак. Ф-фу!

КОРЕНЬ ЗЛА

(Вагон конки, переполненный публикой. Кондуктор тянет за рукав плохо одетого, угрюмого господина в опорках и кричит ему на ухо).

— Эй, ты! Покажь билет!

Желчный господин, сидящий около (возмущенно): — Что ты, скотина, с ним брудершафт пил, что ли? Будь повежливей!

Бритый господин (сочувственно): — Эти свиньи, если видят, что плохо одет, то и...

Желчный господин (язвительно): — Ах, он, по-вашему, плохо одет? Если вы нацепили дурацкий красный галстук, то и думаете, что важный барин.

Бритый господин (кричит, багровея): — Что-о! Вы пьяны, вероятно. Нахал! (обращаясь к соседке слева, с подвязанной щекой): — Как вам это нравится?

Соседка слева: — Слушайте, не кричите мне над ухом! Вы совсем меня оглушили...

Бритый господин: — Ах, отстаньте от меня с вашим ухом!

Гимназист (справа задорно): — Будьте вежливей с дамами, милостивый государь!

Мастеровой (сзади, иронически): — Вы бы, барчук, молочко мамаши на губках обтерли...

Соседка слева (не расслышавши): — Какой мамаши? Что вы меня навязываете в мамаши каждому мальчишке?

Гимназист: — Я не мальчишка, и вообще прошу вас...

Соседка слева: — Кондуктор, кондуктор! Он меня оскорбляет.

Бритый господин (указывая на желчного): — Кондуктор убери этого человека! Он грубит пассажирам.

Желчный господин: — А зачем он привязался ко мне? Вишь ты, костюм у моего соседа плох! Тоже птица важная!

Гимназист (нос у него покраснел и на глазах видны слезы): — Кондуктор, будьте свидетелем, что эта дама назвала меня мальчишкой!

Бритый господин: — А вот этот сказал, что у меня галстук дурацкий.

Кондуктор: — Не кричите все зараз. Вас много, а я один! (К бритому господину) — Он вас оскорбил?

Желч. госп.: — Нет, не я его, а он меня. Па-а-азвольте. Он говорит...

Кондук.: — Пожалуйте с конки! Здесь нельзя безобразить.

Брит. госп.: — С какой стати? Вот еще!

Дама слева: — И вот этого мастерового уберите. Он грубит. Пьян, кажется.

Мастеровой: — Не на твои деньги напился.

(Страшный шум. Конка посреди пути останавливается. Больше всех кричат: бритый господин, желчный, дама слева, гимназист и мастеровой. Плохо одетый господин прижался в угол и молча, пугливо озирается. Слышны возгласы остальных, желающих двинуться дальше: „Городовой, городовой!" Медленно подходит городовой. Он лениво обводит глазами пассажиров и, с апатией на деревянном лице, спрашивает).

— Ну, чего еще тут не поладили? Ты, рыжий, чего руками размахиваешь? Не птица, не полетишь!

Дама: — Вот его возьмите!

Мастеровой: — Меня-а? Ловко больно.

Городовой: — Ты чего ж это? Вот я те шею как наглажу!..

Мастеровой: — Да что ж я, господин городовой? А как эти, будем говорить, гимназисты...

Гимназист: — Ну, а я то при чем?

Городовой: — Так как же это вы, молодой человек? А?

Гимназист (гордо): — Прежде всего представителю отживающего полицейско-бюрократического режима я никаких показаний давать не намерен. Но для восстановлен... восстановления истины должен сказать, что эта дама оскорбила меня неуместным прозвищем мальчишки...

Дама: — А зачем же вы?..

Гимназист: — Я за вас заступился. Этот господин кричал вам на ухо.

Брит. госп.: — Да как же не кричать, если этот говорит, что у меня галстук дурацкий.

Желч. госп.: — Потому и сказал, что вы позволили себе невежливо отозваться о костюме этого вон человека (указывает на плохо одетого господина).

Плохо одетый господин (конфузливо, робко): — Я что ж, я ничего не имею!

Городовой (до сих пор тупо выслушивавший претензии, оживляется и устремляет строгий взгляд на плохо одетого господина): — Это ты что ж? А? Безобразить? Да я тебя... Пошел вон с конки!

Плохо од. госп.: — Господа! Милостивые государи! За что ж я то?

Городовой: — Но-но-но... Поговори еще. Проваливай!

Кондуктор: — Так его, так! Смуты только из-за него (выпроваживает вместе с городовым).

Желч. госп. (глядя вслед удаляющемуся пл. од. госп.): — А у него, знаете ли, в самом деле что-то подозрительное в лице.

Брит. госп. (дружелюбно): — Ну, не я ли это первый заметил?

Дама слева: — Такому и в карман залезть плевое дело.

Мастеровой: — Обломать бы ему бока — знал бы тогда. (К гимназисту). Дозвольте папироску!

Гимназист: — Сделайте одолжение! Вы — эс-эр или эс-дэк?

1065
Ср 66
181869/626
45167б/
423374/988
23
050826/